

ЮРИЙ
НИКИТИН

2039



Юрий Александрович Никитин

2039

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57242680

2039: 1; 2020

ISBN 978-5-04-111805-1

Аннотация

Все накормлены, болезни под корень, а медицина продлила жизнь. Еще не бессмертие, но жить молодыми и красивыми – да хоть тысячи лет!

Остался последний шаг за грань сингулярности, но большинство во всем мире возжелало «остановить мгновение». Наконец-то на земле рай, живи и радуйся, а за порогом обещанного учеными Большого Перехода пугающая неизвестность.

И потому случилось то, что должно было, мы же люди, а не арифмометры.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Никитин

2039

Часть 1

Глава 1

Ульяна подняла голову с моего плеча, мордочка сонная, а когда распахнула припухшие веки, в глазах проступило детское изумление, вот только что так сладко спала, а тут вдруг ни с того ни с сего утро!

– Ой, – прошелестела она хриловатым со сна голосом, – уже что, да?..

– Тебе почудилось, – ответил я, – лежи, распорядись на кухне.

– Сама, – возразила она, – ах да, ты о своей настрадамной работе...

Со стороны кухни уже вкатывается мощными волнами бодрящий аромат крепкого кофе, а за ним тонкими струйками просачивается изысканный запах ломтиков поджаренного хлеба.

Туалетная раковина, как зеркало и вообще все-все в квартире, подключена к инету, и состояние моего здоровья тут

же известно моему лечащему врачу, мощному машинному интеллекту второго уровня, что следит за параметрами всех жителей Москвы.

Судя по отражению в зеркале ванной комнаты, мои нани-ты первого поколения, громоздкие и неуклюжие, пока что справляются с задачей. Уже год все мои показатели на идеальном уровне, рекомендованном Всемирной Организацией Здоровья и Долголетия.

Едва перешагнул незримую черту, отделяющую ванную от кухни-столовой, по левой стене, что мгновенно стала огромным экраном, побежали ролики событий за последние часы.

Я чуть расслабил мышцы лица, старался не показывать Ульяне сотрясающий меня со сна ужас – сегодня снова при-снилась сингулярность. Опять в виде огненной стены, что отгораживает от нас Вселенную. Сердце во сне трепетало, как бабочка в пламени костра, дух почти умер в ужасе, я не мог противиться силе, что неумолимо несла к этому плазменному огню, перед которым даже недра Солнца не жарче инея на стекле, и вот уже чувствую, как вносит в исполинский ад...

Всякий раз просыпался с колотящимся сердцем и в холодном ужасе, приходил в себя и только тогда делал вид, что вот проснулся, все путем, жизнь хороша, а временами и удивительна.

На кухне по стенам быстро бегут, сменяя один другого, ролики о взрывах у зданий научно-исследовательских центров Физики Элементарных Частиц и Молекулярной Химии.

Диктор с нейтральным голосом и нейтральной внешностью быстро и взволнованно тараторит о жертвах и разрушениях и уже не так бодро о том, что все инициаторы взрывов опознаны, теперь будут проводить операцию по задержанию...

Дебилы, мелькнула мысль. Не верят, что дальше будет еще лучше, им сейчас хорошо, безусловный базовый доход, изобилие в продуктах и товарах, гарантированное здоровье, теперь вот «Остановись, мгновение», ради этого и устраивают митинги, протесты, шествия.

В сингулярность одни пойдут сами, даже побегут, других придется тащить. Показывать преимущества нового мира и убеждать войти. Это же наши люди, мы отвечаем за них. Не их вина, что наши нейронные сети, я говорю о научных работниках, развились лучше, чем у таксистов или огородников. Да, мы чуть-чуть лучше развили свои мозги, но поэтому отвечаем за остальных, как старшие дети в семье отвечают за младших братиков.

В последнем ролике показали, как нечто незначительное или смешное, что памятник Долгорукому на площади генерала Скобелева облит красным так, что голова и грудь в липкой массе, даже по высокому пьедесталу сползла до мраморных плит.

– Куда полиция смотрела, – буркнул я. – В Москве каждый дюйм под наблюдением! Все пишется прямо в Облако.

Мой электронный советник, помощник и многое чего еще, Сюзанна, отслеживающая мой взгляд, пояснила с ми-

лой женской педантичностью:

– Законами города не возбраняются минидроны для детских игр. Но каждый из них в состоянии поднять на сто метров и перенести на пятьдесят пузырек с краской... Но сейчас такое тоже отслеживается.

– А меры?

– Слишком массовое, – сообщила она. – Власти не успевают.

– Человек на дурное еще как изворотлив, – сказал я с горечью. – Пакостить умеют абсолютно все, а строить и творить – единицы!..

– Все правильно, Кэп, – отчеканила Сюзанна. – Но все-таки князя за что?

– А просто так, – буркнул я.

– Как? – уточнила она. – Объяснение нечеткое.

– Природа рациональна, – ответил я, – а человек нет. Поэтому и оседлал весь животный и неживотный мир.

Она умолкла, стараясь с помощью изоощренных алгоритмов разобраться в загадке человека. Искусственный интеллект первого порядка, незаменим в быту. Интеллект второго уровня, такой, как моя Сюзанна, уже создан, но еще не вошел в серию. В двух-трех научно-исследовательских центрах, где сейчас днями и ночами работают над третьим, что позволит резко обогнать весь мир и фактически стать властелинами планеты... если, конечно, искусственный интеллект не уничтожит человечество одним движением мысли и

не станет властелином сам, чего опасаются не только алармисты из ученых и почти вся так называемая мягкая интеллигенция из гуманитариев, но и массы простого и очень даже простого народа, впервые зажившего хорошо и привольно.

Народ озлоблен, напомнил я себе. Экономисты и футурологи не принимают этого во внимание, для них важнее уровень благосостояния, что никогда не был так высок, как сегодня, потому не понимают, почему насилие даже в неблагополучные времена не захлестывало с такой силой мир, как сейчас. Бунты и волнения поднимают не голодные, декабристы не голодали, а недовольные, уровень благосостояния роли не играет.

Ульяна из ванной, где на экранах те же новости, сказала все еще сонным голосом:

– Безусловный базовый уже третий год, живи и радуйся. Так нет же, зажрались...

– С интернетом, – обронил я, – в мире стало тесно.

Она не поняла, а я объяснять не стал, мои прогнозы и умозаключения редко основаны на тех данных, что публикуются для широкого употребления.

– Не знаю, – ответила она, – что не так с интернетом, но пора навести порядок!.. Совсем распоясались. Хорошо, наш городок в сторонке.

Не в сторонке, подумал я с присущей мне педантичностью, и не городок, а слегка обособленный квартал на краю Москвы. Здесь большинство научно-исследовательских цен-

тров и компаний по разработке новых технологий. У нас даже простые рабочие не те, что укладывают асфальт на дорогах, а высококвалифицированные специалисты, даже без диплома частенько знают и умеют больше выпускников престижного вуза.

Странно, почему жизнь не остановилась, пока я спал, вон сколько всего случилось, одних убитых в городских стычках по Европе восемьсот семьдесят четыре человека и три собаки, два мощных взрыва в Нью-Йорке и в Париже, три пущенных под откос поезда в Саудовской Аравии и Йемене, ракетно-бомбовые удары Индии по военным базам Пакистана, ответный налет пакистанской армии на три приграничных города Индии, но это уже не новость, там вяло текущая война тянется из года в год.

Ульяна явилась на кухню в прозрачном пеньюаре, в таких рисовали барышень позапрошлого века, демократично и модно с тех пор, как любые дресскоды признаны ущемляющими права населения.

– Людей не жалко, – сказала она рассудительно, – но собачек за что?.. Эх, звери...

– Выстоим, – заверил я. – Не дергайся.

Она с некоторым испугом взглянула мне в лицо.

– Ты такой серьезный... Что, это еще не все?

– Не все, – ответил я с неохотой. – Но не обращай внимания, просто не заезжай в другие районы. Бесплезники все чаще выходят на улицы.

– Грубый ты, – сказала она обвиняюще. – Какое нехорошее слово придумал!

– Но прижилось же? – возразил я. – Значит, вовремя. Им же пользуются и с той стороны, и с этой.

Она вздохнула, чистое личико омрачилось.

– А я хотела на той неделе съездить к Варьке, пора повидаваться вживую... Или к тому времени эта дурь затихнет?

Я покачал головой.

– У людей дури много, ума мало.

Новостная лента по взмаху руки послушно исчезла, стремительно помчались строки со специализированных сайтов, последние события в науке и хай-теке.

У нас нет кухонных манипуляторов, считаю их лишними, футурологу нужно двигаться хотя бы на кухне, потому при появлении Ульяны дверцы кухонного принтера распахнулись, выдвинулся изящный поднос с янтарно-золотым соком в высоких стаканах с золотыми медальонами на боках.

Опередив ее, я снял оба и поставил перед нею на стол.

– Твои!

– И тебе бы стоило, – сказала она недовольно, – там столько витаминов! Все полезные.

– Пусть мои наники поработают, – возразил я.

– Еще неизвестно, – сказала она с неодобрением, – работают ли вообще, а столько денег угрохал!.. Зато витамины – это привычно и опробовано!

Я сказал миролюбиво:

– Мы что, уже такие старые, что говорим о здоровье?

Она расхохоталась, на щечках появились умильные ямочки.

– Обещают, – прошебетала счастливым голоском, – теперь никогда не постареем! Спасибо, милый, но очень уж дорого тебе обошлось...

– Пустяки, – сказал я великодушно. – Еще заработаю.

– Но ты влез в такие долги!

– Все удешевляется, – напомнил я. – Живи и радуйся, мир прекрасен, несмотря на.

Она хихикнула, начала рассказывать свои женские новости, а я, завтракая, усилием мышц глазного яблока включил контактные линзы и просмотрел последние новости инета насчет проекта «Нейролинк». У меня там не просто хорошие знакомые, в какой-то мере ведем совместные разработки, знаю, что и как на самом деле, но важно знать еще, как работы самого продвинутого сектора хай-тека подаются в такое непростое время для широкого пользования.

Ульяна поняла по моему виду, что хотя вроде бы смотрю в тарелку с едой, но вижу нечто свое, вздохнула и придвинула ко мне блюдо с печеньем.

– Попробуй. Сама приготовила!

Я кивнул, сама приготовила – это значит отыскала в сети какой-то диковинный рецепт, перебросила в принтер, а тот через три секунды выдал готовый продукт.

Она счастливо улыбалась, когда я взял печенье и схрустел

за пару секунд, а я подумал, что ее бабушка не поняла бы это «сама приготовила».

Милым и доверительным голосом прошептала Аня Межелайтис, наш электронный управитель квартиры:

– Хозяин, на связи Роланд Гусарландский настоятельно добивается связи с вами. Я проверила, в самом деле профессор, лауреат двадцати восьми премий, почетный доктор наук и член-корреспондент, полгода тому возведен в рыцарство королевой Елизаветой.....

Я остановил ее взмахом руки.

– Умному человеку незачем сколько титулов. На какую тему восхотел говорить?

– Ответит лично.

– Отказать, – велел я. – И вообще сузь рамки. Учись отсекать лауреатов высших премий всемирных обществ любителей бабочек от настоящих ученых. Гуманитарии меня вообще не интересуют.

– Принято, – ответила она послушно. – Но раньше гуманитариев вы допускали!

– Сейчас они помеха на пути прогресса, – бросил я.

– Все?

– Почти, – ответил я. – Ни одна душа не шагает рядом.

Она отключилась с отчетливым щелчком, теперь это обязательно, как нелепый закон, чтобы электромобили обязательно шумели при движении, обращая на себя внимание слишком задумчивых прохожих. Мне это напоминает те вре-

мена, когда перед автомобилем должен был идти человек с колокольчиком в руках и предупреждать зевак, что этот вот странный экипаж без лошадей может толкнуть, а то и вовсе сбить с ног.

Ульяна поставила передо мной яичницу-глазунью, последний писк изыска искусственной пищи, в самом деле неотличимая по вкусу даже для самых строгих дегустаторов. Я в еде неразборчив, потреблял и раньше все, обращая внимание только на баланс минералов и аминокислот, а теперь даже за этой ерундой следят носимые и встроенные в организм датчики и синтезаторы.

Мысль вернулась к тому, как совсем недавно нас учили, что есть только два класса: рабочие и крестьяне, а между ними прокладка интеллигенции. Но сейчас очень быстро растет «беспольный класс», в котором не только вполне бодрые пенсионеры, им при нынешнем уровне здравоохранения жить очень долго, но и люди среднего возраста, чью работу стремительно отбирает автоматизация.

Социологи вешают обществу лапшу на уши, успокаивая, что с принятием безусловного базового дохода люди получили больше времени для самоусовершенствования, для обучения новым профессиям, для развития нравственных ценностей, попугаи тупые, даже не понимают, что говорят.

Каким новым высокотехнологическим профессиям смогли обучиться миллионы таксистов, когда на улицы вышли робоавтомобили?.. Или работники почты или вчерашние

кассиры?

Конечно же, не стали переобучаться даже те, кто вообще-то мог бы, зачем шевелиться, если «деньги и так плетут»?

Потому уже сформировался новый класс, в нем десятки миллионов, а то и сотни, в том числе и совсем молодые, которые не могут найти работу, даже если хотят, но большинство и не хочет, зато жаждет выпустить на волю накопившуюся энергию: устроить беспорядки, подраться с полицией, пожечь автомобили, побить витрины, пограбить, построить баррикады...

Возникло и укрепилось название «бодовцы» для таких вот бездельников, хотя суммы по БОДУ получают все, кроме разве что стран Африки, но и там уже вводят в отдельных регионах.

Я как-то со зла назвал их бесполезниками, но в нашем мире все фиксируется, слово тут же разлетелось по стране и миру, приклеилось, и вот уже на следующий день прочно вошло в речи ораторов и даже в обиходную речь, вытесняя термин «бодовцы».

Ульяна весело щебечет на кухне, обожает этот прекрасный мир, где все автоматизировано, хотя так и не научилась управлять кухонной аппаратурой мысленно, но все здорово, холодильник сам заказывает недостающее, дроны доставят в течение десяти минут, плита готовит так, как никогда не готовили лучшие повара даже императорам.

Я ел автоматически, если бы мог заряжаться от розетки, с восторгом бы перешел, а так, как корова какая-то, жую траву, ем точно так же, как ели троглодиты, даже мясо, пусть даже синтезированное, но все равно... Эх, скорее бы в сингулярность, когда разом покончим с этим диким наследием!

С экранов потоки новостей, пусть даже строго отфильтрованных моим мозгом, то есть никакого спорта, шоу-бизнеса, жизни кинозвезд, мимишных зверюшек, только политика, экономика и наука.

Общество расколото и все больше радикализируется. Ушли в прошлое партии республиканцев, демократов, зеленых, борцов за права меньшинств и животных, исчезли когда-то воинственные феминистки, и сейчас мир разделен на людей и транслюдей.

Это уже настоящее разделение, даже по внешности: транслюди обычно не скрывают имплантированные гаджеты, большинство вообще выставляют их напоказ, как раньше гордились золотыми зубами, бриллиантовыми серьгами или дорогими смартфонами.

Среди молодежи в моде биохакерство, что время от времени приводит к смертям энтузиастов, но иногда выдает положительные результаты, что тут же подхватываются и тиражируются, а серьезная наука сердито грызается, что это нужно изучать, исследовать, а то кто знает, как это откликнется в стотысячном поколении через миллион лет...

Никому пока не удалось достичь бессмертия, но именно

нелегальные биохакеры наткнулись на возможность «отката возраста» и таким образом сумели продлить жизнь дальше видового предела, хотя пока и непонятно, до какого предела и с какими побочками.

Глава 2

Кухонные манипуляторы быстро собрали со стола использованную посуду и отправили в моечную машину. Я успел спасти только стакан с не допитым Ульяной соком, а над столом вспыхнул экран с крупным мясистым лицом заведующего нашим отделом Костолома.

Вообще-то он Камнеломов, но почему-то такую вроде бы простую фамилию выговаривать трудно, сперва то и дело называли Камнегоровым, что звучнее и как-то правильнее, а потом как-то само получилось, что сократили до Камнегора, затем переправили в Костолома, на что сперва возражал, но против мнения коллектива переть трудно, смирился, да и, как чудится, такая кликуха даже льстит, люди его уровня стараются хотя бы выглядеть костоломами.

Он всмотрелся в меня с презрительным выражением матерого сержанта, что смотрит на поступившего в его распоряжение новобранца.

– Только завтракаешь? – спросил мощным голосом, таким только поднимать солдат в атаку. – Нормальные уже землю пашут!

– Так то нормальные, – ответил я. – Я ж не Лев Толстой.

– Я вас всех сделаю нормальными, – пообещал он зловецким голосом. – Все строем ходить будете! С песней.

– Да, – сказал я, – конечно. И с барабаном на шее.

Он нахмурился, его солдафонским шуточкам даже поддакивают, что еще смешнее, не признают авторитет, хотя наш директор Скурлатский, академик и лауреат международных премий, поставил начальником отдела именно его, а не меня, как ожидали наши сотрудники, но я все равно работаю так, как считаю нужным, сотрудники прислушиваются ко мне, а при встрече с Камнеломовым вытягиваются в струнку и отдают ему честь, что тому наверняка нравится, хотя и хмурится, подозревая скрытые издевки на каждом шагу.

Судя по его досье, был капитаном школьной команды, потом капитаном футбольной в универе, служил контрактником в военизированных частях кибернетической защиты, ухитрился там защитить кандидатскую, но быстро вышел в отставку и каким-то образом сумел внедриться к нам в качестве шефа над большой группой высоколобых, которых в армии презрительно зовут яйцеголовыми.

Кроме общего командования отделом он отвечает за сбор информации, хотя, на мой взгляд, с этим гораздо лучше справляются поисковые системы. Правда, директор института уверил нас, что Камнеломов уже отобранную информацию еще раз просеивает через тонкое сито, чтобы предоставить нам самое ценное, для этого и назначен начальником отдела, но я еще тогда возражал, что это тонкое сито вряд ли с правильным диаметром ячеек.

Ульяна прошла по кухне, Камнеломов поймал ее взглядом и весело заорал:

– Привет, Уля!.. Твой супруг всегда занят своей как бы важной работой, на тебя ноль внимания, а я вот готов заскочить к вам и в реале. Покажешь еще разок спальню?

Она запнулась с ответом, быстро взглянула в мою сторону. Я знал, что пару раз занимались этим делом, Камнеломов старается утвердить надо мной доминантность, и хотя секс с женщиной ему тоже пресен, но желание показать свое превосходство надо мною тогда взяло верх, а что толкнуло Ульяну, не знаю, но это было давно, на этот раз она лишь покачала головой и ответила с полнейшим безразличием:

– Ничем. С доллами интереснее, а нам зачем портить отношения?

Он нахмурился, но тут же сказал подчеркнуто довольным тоном:

– Ты права, умница. Даже не представляю, как досталась такому зануде, как твой нынешний муж.

Она улыбнулась, но уверять не стала, что я не зануда. Кто оправдывается, тот уже проиграл, женщины по факту своего рождения знают основы довольно примитивной человеческой психики, тем более мужской.

– Заходи, – ответила она мирно. – Зато кофе с нами попьешь.

Он отшатнулся на спинку кресла, сделав это преувеличенно резко.

– Что-о? Все еще пьете кофе, как дикари?.. И у тебя муж после этого считает себя футурологом?

Она улыбнулась шире и ответила подчеркнуто скромно:
– Считает, раз уж и другие считают.

Намек попал в цель, вчера центр Гэллапа сообщил, что я вхожу в десятку самых ярких, хотя и очень неоднозначных молодых футурологов мира.

Уголок рта Камнеиломова дернулся, Ульяна заботливо придвинула к краю стола распечатанное на принтере печенье, то самое, которое предпочитает, в памяти принтера это хранится в числе приоритетов, а я никак не выберу время, чтобы стереть это на фиг так, чтобы не задеть остальные рецепты.

– Кушай, дорогой, – сказала она нежно и поцеловала меня в макушку, – невероятно вкусно... Волшебно!

Камнеиломов, массивный и мышчатый, наблюдал с экрана, как огромный кот, что смотрит на беспечных мышек, маленькие глазки под массивными надбровными дугами зло блеснули.

– Яркость и скандалы, – сказал он военным голосом, – не синонимы. А твой супругенец больше известен наглыми выходками и неуважением к авторитетам. Насчет удачных прогнозов это у него случайно. Или по пьяни.

– Он не пьет, – напомнила Ульяна.

– Брешет, – заявил Камнеиломов. – Все брешут, кроме меня. Правда, я тоже иногда, но редко и только по делу государственной важности.

Я поинтересовался:

– А ты чего по личной связи?.. Через двадцать минут буду в лаборатории Сокола, а потом у себя на месте. Все равно там увидимся.

Он сделал вид, что почти согласен со мной, а то слишком уж выдает некую заинтересованность, развел руками в картинно-оперном жесте.

– Шеф по старинке считает, что сотрудники должны общаться не только на работе, но и в быту. Дескать, иначе коллектив распадется.

Ульяна наблюдала за нами смеющимися глазами. Ей, как женщине, мотивы Камнеломова, как и мои, видны как на ладони. Ценит его не слишком высоко, и что тогда толкнуло повязаться с ним, не представляю, а копаться в тайниках женской души недостойно для футуролога, что старается рассчитывать будущее мира на годы и десятки лет вперед.

– Вот и пообщался, – сказал он, тут же поднялся из кресла быстро и красиво, напрягая грудь и плечи, яркий так и доминантный, во всяком случае, стремящийся к доминантности везде, где получается. – Отчитаюсь перед шефом!

Я предложил мирно:

– В следующий раз скажи, что лично был у нас, а я подтвержу.

Он поморщился.

– Что? Обманывать советскую власть?.. Сейчас каждый жест записывается минимум с трех камер!

– Шеф не смотрит, – напомнил я. – Ему важнее, как идет

война в Непале. Он вложил там деньги в добычу рутения.

Он сказал наставительным тоном:

– Все равно лучше перестраховаться! А ты меня подбиваешь на противоправные действия!

– Так и доложи, – посоветовал я. – Еще одну лычку получишь. Потом, правда, уволят.

Он дернулся, посерьезнел.

– Чего? Не пророчь, не пророчь!.. Ульяна, был рад с тобой повидаться. Как-нибудь еще повяжемся, хорошо? Было классно!

По ее лицу я видел, что классно не было, и вообще забыла про такой пустяк, сейчас мужчина с женщиной копулирует разве что в Африке и некоторых арабских странах, а в цивилизованных сперва были секс-куклы, а потом их заменили продвинутыми моделями. Те умеют все, что и люди, но только лучше, а самое главное – никаких добавочных запросов, что всегда осложняет секс между равноправными мужчиной и женщиной.

У нас с Ульяной секс раз в год в день свадьбы. Тем самым поддерживаем традицию и напоминаем себе о том дне, когда познакомились, а доллары еще не вошли в широкое употребление.

Экран погас, но тут же пошли потоком краткие новости из мира хай-тека.

Ульяна мягко улыбнулась.

– Молодец, держится.

– Ты о чем? – спросил я.

– Завидует, – сообщила она. – Ему так важны хотя бы маленькие победы над тобой.

– Какие победы? – спросил я встревоженно. – Где я проиграл?

Она улыбнулась.

– Успокойся. Если и проигрываешь, то по мелочам, на которые не обращаешь внимание. А для него и это щасте, чтобы раздуться от гордости. Он всегда всем рассказывает, что ты в очередной раз ошибся.

– Спасибо, – пробормотал я. – Ты всегда утешаешь.

– Это женский долг, – заявила она гордо. – Утешать и вдохновлять!.. Ты ешь, ешь, а то, смотрю, он тебе совсем аппетит отбил.

Я молча повернул в ее сторону ладонь, на запястье мигают разноцветные цифры, дескать, треть суточной нормы калорий уже набрана, пульс и давление в норме, витамины и микроэлементы сейчас ускоренно поступают в кровеносную систему.

– Можно съесть и просто для удовольствия, – возразила она сердитым голосом. – Все равно вес теперь не набираем!

– А зачем? – спросил я. – И продукты переводить, и организм нагружать зря. Ничего зря не делаю, только вот за чем-то женился...

Она замахнулась кулачком, я ловко уклонился и вскочил, в самом деле уже сытый в меру и готовый к свершениям.

Всевидающая Аня Межелайтис сказала нежным голоском:

– Дорогой, автомобиль у подъезда.

– Иду, – ответил я.

Ульяна сказала заботливо:

– Только не отвлекайся, не отвлекайся!.. А то один вот так оступился на лестнице и шею сломал.

– А другая поскользнулась и под трамвай попала, – ответил я тон. – Естественный отсев. Неча чипироваться всем, кто желает!

Она промолчала, вмонтированный в мозг чип хорошо и прекрасно, но далеко не для всех. Первые бионические протезы, несмотря на радостную шумиху вокруг них, приживались долго и с трудом, большинство предпочитали ходить на костылях или передвигаться в кресле, чем полгода мучительно пытаться заставить эту бездушную железку распознавать бессвязные сигналы мозга, а потом еще и подчиняться им.

С мозговым имплантатом еще сложнее, и сам он недостаточно совершенен. Мощности шестиджишной связи маловато, даже семь-джи не справляется, так что энтузиасты, вживившие чипы, только и сумели, что научились волевым усилием входить в инет, но даже это дало колоссальнейшее преимущество, когда моментально начали получать все интересные новости, а также любые данные, что нужны для работы и доминирования над окружающим нечипированным стадом.

На сегодняшний день чуть больше двухсот тысяч человек вживили себе в мозг имплантаты, однако половина так и не научилась ими пользоваться, еще четверть в сети постоянно, но не вылезает из порносайтов и форумов по знакомствам, что тоже объяснимо: процедура вживления пока что стоит очень дорого, а в нашем странном мире больше всего легких денег приходит к актерам и шоуменам, людям не шибко интеллектуальным.

Словом, всего десять тысяч по всем миру используют для работы постоянную связь с интернетом, нам всегда не хватает инструментария для повышения своих знаний и умений, и я один из этих десяти тысяч.

Глава 3

Автомобиль, быстро сбрасывая скорость, подкатил к подъезду, моментально распахнул дверцу. В этом я консерватор, предпочитаю личный, хотя в моде каршеринг. Планктон всегда предпочитает то, что проще, ему даже думать, видите ли, уже трудно, а личный авто предполагает хоть какую-то заботу о нем, от чего избавлен ездун на такси.

Я опустил на сиденье, в салоне раздался мягкий, но вместе с тем деловой голос Сюзанны:

– Доброе утро, сагиб!.. На службу или как?

– Ты мне это шуточки брось, – велел я. – Нахваталась в инете!.. Никаких «или как»!

– Извините, сагиб, – ответила она смиренно. – Я думала, вы человек! А вы, оказывается, продвинутый арифмометр.

– Сперва в институт, – сказал я. – Потом к себе.

– Домой?

Я повысил голос:

– «К себе» я называю на работу! Ты знаешь мой словарь и мои обороты, нечего фрондировать, как Жанна д'Арк на турнире!

– Принято, – ответила она и сказала совсем шепотом: – А Жанна д'Арк на турнирах не бывала. Даже зрителем.

Дома заправляет электроникой Аня Межелайтис, а все остальное, включая работу, компетенция Сюзанны, это бо-

лее продвинутая модель, второй уровень ИИ. Такой вообще-то не предназначен для личного пользования, потому на Сюзанну у нас завязаны все операции в офисе, а также контакты и контракты всей нашей группы со смежниками и фрилансерами.

В сегодняшнем мире на смену гражданскому браку пришел сперва гостевой брак, затем сезонный, воскресный и даже аморфный, но ни один не вытеснил других, все живут в тех условиях, которые предпочитают, это и есть демократия, часть даже вступают в официальный брак со своими электронными помощниками, куда менее продвинутыми, чем Сюзанна, хотя для тех нужд мощный интеллект вряд ли востребован.

Сюзанна сказала быстрым голосом:

– Дальше митинг на проезжей части дороги!.. Несанкционированный, предупреждений не было. Возьму управление на себя?

– Бери, – разрешил я. – А митинги сейчас все несанкционированные. С властями уже не считаются.

– Говорили же, на убыль шло?

– Отступили на шаг для разгона, – ответил я кисло. – Уступок не получили, начнут что-то похлеще... Да и почувяли свежий запах крови.

Она уточнила:

– А каких именно свобод требуют? Вроде бы уже все получено...

– Свободу править миром, – буркнул я. – Но свобода с таким народом не выживет. Свободными могут быть только интеллектуалы.

Она озадаченно замолчала, а я включил экран лобовой панели, там показывают митинг, но вряд ли его Сюзанна старательно объезжает, там вообще многотысячная толпа, а выступает сам Яворовский, один из лидеров протестного движения.

Мужественно красивый, харизматичный, он и похож больше на героя старых боевиков, чем на политика, громкий и властный голос находит отклик очень у многих, вообще Яворовский говорит чаще всего о том, о чем остальные думают, но помалкивают.

– Сегодня, – услышал я его мощный голос, – с нами также все национальные центры культуры и народы диаспор, что не желают растворяться в безликом месиве того бесчинства, что выдается за культуру будущего!..

Ага, мелькнула мысль, ожидаемо. Подверстывается и национальная идеология. Дескать, боремся за мораль, за честь и совесть, за свою идентичность, а то в большом болоте таких мелких лягушек и не заметят, а нам обидно, другим выделиться нечем.

– Мы требуем передать телевидение в руки местных властей, – продолжал Яворовский мощно и напористо, – а центральной власти выделить два-три часа в сутки для вещания именно государственных указов!.. А все остальные передачи

должны регулироваться местными властями!.. И в Татарстане только на татарском языке, а в Дагестане на языках населяющих его народов, потому что и они не желают исчезать как национальности в общем котле!

Сюзанна виртуозно и на большой скорости провела автомобиль дворами, а когда выметнулась на магистраль, митинг остался позади, а Яворовского с его пламенными речами, рассчитанными на инфантильных подростков и диванных стратегов, я выключил сам, предпочитая просто смотреть в окно.

– Дикари, – сказала Сюзанна, я уловил в ее голосе нотки негодования. – Кому нужны языки, на которых говорит несколько тысяч человек? Пусть даже несколько миллионов?.. Но требуют от своих детей изучать свою местную культуру, свой язык, который нигде не пригодится...

– Это ты подхалимажу учишься? – спросил я с подозрением.

– Сагиб?

– Больно голосок у тебя соглашательский, – определил я.

– А разве не правду вещаю? Вон Прибалтика уже только территория, все там говорят на русском и английском...

Я буркнул:

– Сейчас нет уже ни американцев, ни русских. Есть только люди и простейшие.

Она умолкла, я продолжал прикидывать варианты, как повернется движение неолудов, но все сводились к одному:

раздражение в обществе достигло критической точки, котел должен взорваться, как я и предположил несколько лет тому, но тогда меня только высмеяли.

На мгновение мысль вернулась к Яворовскому, в общем он хорош, прозорлив и достаточно тактичен. Я однажды даже поддержал его, когда он добивался и сумел добиться запрета такого позора, как параолимпийские игры, верх лицемерия общества, тупости чиновников и абсолютного отсутствия такта тех, кто не возразил или даже поддержал проведение таких соревнований.

Но тогда его вело чувство справедливости и неприятия лицемерия, от кого бы ни исходило: от властей или общества, а теперь... даже не знаю, насколько он искренен, а насколько уже политик. Недавно заявил, что его следует называть не Яворовским, а Яворивским, он не желает русификации своей фамилии, это же потеря национальной идентичности...

В мозг постоянно стучатся новости, а некоторые как бы без спроса влезают и устраиваются в отведенных для них местах, это разрешенные, им можно, у них квота, раньше называлась подпиской.

Предполагалось, что люди, снабженные мозговыми имплантатами, будут открыты для всех, я вот один из самых открытых в мире, но пока что на связи только семисот тридцати тысяч человек, это моя родня, друзья и практически весь ученый мир, но закрыт для неолудов и даже для тех, кто не

понимает ни яйцеголовых, ни их противников.

Эту часть города я сам помню диким и неухоженным лесом, как все еще везде в Подмосковье, в сингулярность войдем раньше, чем наведем порядок вокруг себя, но сейчас автомобиль мчит по прекрасной магистрали к огромному высокоиндустриальному району, выстроенному по единому плану, что значит сразу с широкими и прямыми дорогами, стоянками и удобными подъездами к любому зданию.

Возвели всего за три месяца, причем первые две недели корчевали лес и размечали как где и что. Вообще сейчас такое интересное время, на подготовку проекта уходит времени больше, чем на само строительство. Если, конечно, не типовуха.

Это все в районе продолжающегося расширяться Южного Бутова, в центре нового района восемь супервысоких небоскребов, семь по тридцать километров в высоту, а один в сорок. Сразу же после постройки, еще не приступили к внутренней отделке, его крышу начали использовать как космодром, а сейчас заключают договор на использование и двух соседних.

Жители района собирают митинги и запоздало начинают строить баррикады, чтобы не допустить превращения в нечто промышленное: на островах строите свои космодромы, пусть даже пассажирские, а нам они не нужны, у нас тут загородные домики и огороды с курами.

Несмотря на протесты, в центре соседнего Восточного Бу-

това начали строительство здания из инновационных материалов в сорок пять километров. Крышу запланировано сделать в виде расширяющегося конуса, чтобы принимать больше кораблей, в том числе и грузовых. Если комиссия даст добро, привычные космодромы постепенно закроют.

Однако дорогу на место строительства супервысотки жители района не просто перекрыли живым щитом, а подтянулись крепкие организованные ребята, что для начала строительную технику забросали коктейлями Молотова.

Троих бульдозеристов увезли на «скорой» с серьезными ожогами, но о таких происшествиях стараются умалчивать, чтобы не разжигать, не понимая, что в наше время все становится моментально общеизвестным, а безнаказанность лишь разжигает аппетиты вандалов.

Пять из восьми небоскребов, в сторону которых мчит меня скоростной автомобиль, принадлежит Алисе Чумаченко, ее ранней мечтой было заработать сто миллионов долларов, но сейчас владеет сотней миллиардов, но не останавливается, стремительно и рискованно подхватывая на лету многообещающие проекты и вкладывая в их реализацию деньги.

За небоскребами начали рыть котлован, поговаривают, там начнут закладывать фундамент самого высокого здания в мире.

Три супернебоскреба, самые высокие, под контролем Игоря Мацанюка, в одном расположен научно-исследовательский центр проектирования чипов следующего поколе-

ния. Единственный в стране центр такого уровня, созданный с нуля на частные деньги. Остальные либо мелочь, либо с контрольным пакетом акций от государства.

Автопилот, неслышно переговариваясь с тысячами других автомобилей, стремительно несется в сверкающем блестящими крышами потоке.

Небоскребы надвинулись, развернулись, первые два отступили на края широкой трассы. Автомобиль пронесся мимо и нацелился широким носом на самый дальний, там по краю крыши даже днем горят огни посадочной площадки.

Вспыхнул экран, перекрыв все лобовое стекло, появилось бодрое лицо Михаила Уткина, моего помощника в офисе, хотя мне помощник вообще-то по рангу не положен.

– Хорошая новость, – сказал он с радостным подъемом, – три минуты тому закончилась операция редактирования генома под руководством академика Алексея Москалева! Которому в прошлом году нобелевку всучили, а он еще стеснялся... Клянется, что на этот раз точно сдвинули второй предел в двести десять лет.

– Посмотрим по результатам, – ответил я уклончиво. – Сколько раз уже обещали.

Он ухмыльнулся.

– На этот раз взяли группу долгожителей побольше!..

– И будем ждать, проживут ли за двести десять лет?

Он ухмыльнулся.

– Анализы покажут результаты на второй неделе. Там не

только увеличение продолжительности, но и частичное омоложение!

Я буркнул:

– А группа Вередуева уже третий раз делает возрастной откат. Ну и что? Лабораторные анализы не убеждают даже специалистов, обожглись на прошлых результатах, а внешне никто не отличит семидесятилетнего от шестидесятидевятилетнего.

Он воскликнул:

– Что за пессимизм?.. Наука идет вперед семимильными шагами!.. Не идет, а бежит, летит как птица!.. Все жаждут отката, уже выстраиваются очереди. Все хотят быть моложе и здоровее!.. И будут!

Я промолчал, результаты отката своими глазами, как требуют недоверчивые простейшие, можно будет увидеть только через несколько лет, анализы крови мало кого убеждают, а у нас нет этих лет в запасе. К тому же эти откаты работают против нас. У простейших больше доводов, чтобы «остановить мгновенье» и жить в этом прекрасном мире молодыми и красивыми сотни и тысячи лет, к тому же ничего не делая, а только наслаждаясь своим никчемным существованием.

– Здорово, – сказал я, – передайте мои поздравления.

Он сказал жарко:

– Что с вами?.. Все случилось согласно вашим прогнозам!.. Год в год!.. Это же триумф!.. Нужно стричь дивиденды!.. Вы наверняка купили акции их компании, когда только

создавалась?

Я отмахнулся.

– Я не настолько предусмотрителен в быту. Хотя и не голодаю.

Он понимающе улыбнулся, подмигнул, дескать, трудно представить себе человека, который, прогнозируя взлет одних компаний и падение других, не попытался бы на этом заработать.

– Ваши поздравления передам, – сообщил он. – Для меня это честь!

Экран погас, превратившись в обыкновенное стекло, за которым по обочине шоссе стремительно скользят вечно цветущие декоративные деревья, а на линии горизонта быстро и просто дико прекрасно вырастают великолепные небоскребы, в одном из которых расположен научно-исследовательский центр под руководством Сокола, где разрабатывают чип «Фемто-три», нейроморфный процессор третьего поколения.

Голос Сюзанны прозвучал над самым ухом, чистый, но с ноткой тревоги:

– Сагиб, впереди... траблы. Советую гиперлупом.

Я поморщился, но ответил ровно:

– Хорошо.

До небоскребов на автомобиле промчаться по прямой совсем ничего, но вчера в этом районе была акция неолуддистов, вон на краю шоссе кое-где еще дымятся шины, Сюзан-

на постоянно следит за оптимизацией пути, разумнее прислушиваться к ее советам.

Автомобиль резко повернул, я лишь с сожалением взглянул на гроздь прекрасных небоскребов. Не знаю, как у Маданюка и Чумаченко насчет дружбы или соперничества, но здания отгроханы шикарнее одно другого. Уж и не знаю, сколько миллиардов долларов вложили, но там уже не просто отдельные дома, а в каждом небоскребе самостоятельные города со своим искусственным интеллектом, что обеспечивает жильцов и работающих там всем необходимым и даже сверх того.

В ближайшем к нам небоскребе расположились научно-исследовательские лаборатории. Работающие там гордо называют их цехом, хотя на самом деле всего лишь разрабатывают и тестируют прототипы чипов ультрановых разработок.

Ульяне я советовал не покидать наш благополучный район, потому не стал сообщать, куда отправился сам. Иногда даже мне странно, что при обилии камер и при таком тотальном наблюдении преступность не уменьшается. Видеокамеры фиксируют не только каждый метр на улице, но давно установлены во всех магазинах, кафе, не говоря уже о вокзалах и аэропортах. Даже в общественных туалетах вмонтированы с той поры, как в двух столичных возле Манежа прогремели взрывы. Входящих теперь фиксируют на входе и проверяют по базам данных, при любом подозрительном дви-

жении поднимут тревогу и заблокируют двери, которые сломать очень непросто.

Помогает, но пока не настолько, как рассчитывали. Иногда даже самые вроде бы добропорядочные с виду обыватели как с цепи срываются. Кстати, преступность усилилась сразу же, как только развернула свою деятельность стремительно набирающая размах и влияние организация «За равные права», что настаивает на искоренении последних привилегий в обществе, как рудимента Средневековья.

Статистики сразу вывели эту закономерность, наложив два графика. На одном рост численности равноправщиков и размах их деятельности, на другом усиление преступности по странам.

И хотя равноправщики действуют легально и закон не нарушают, но это как с исламом: при желании тот тоже можно истолковать как призыв к истреблению всех неверных, чем многие и воспользовались. В парламентах многих стран начали добиваться запрета равноправщиков, под какими бы сверхгуманными и справедливыми лозунгами те ни вели борьбу.

Правда, юристы так и не смогли найти зацепку, на каком основании можно их остановить, потому лишь с завистью смотрели на Китай и Россию, где просто стукнули кулаком по столу, и все – запрет. Нельзя, потому что нельзя. Права общества выше прав отдельных людей. А кто начнет спорить и возражать, тех в тюрьму. Как врагов народа. Повзрослеют

– поймут, что у профессора прав всегда было больше и будет, чем у студента, иначе общество рухнет.

В салоне стремительно мчащегося автомобиля тишина, ни один из экранов не работает, рудименты, на сетчатку глаз получаю все, что желаю, а глушить мозг музыкой или новостями шоу-бизнеса – себя не уважать, как и смотреть футбол или бои без правил, которые для приличия называются боями смешанных стилей.

Глава 4

Впереди быстро появилось и выросло футуристическое здание станции гиперлупа, автомобиль сбросил скорость и плавно припарковался рядом с эскалатором, что сразу же пришел в действие, едва я ступил на первую ступеньку.

Автомобиль послушно включил автопилот и не спеша поехал к небоскребам.

Через двадцать секунд я в два прыжка прямо с эскалатора вскочил в подкатившую капсулу.

Ускорение переношу легко, как и торможение капсулы гиперлупа, продолжал сопоставлять скорость работы над перспективным «Фемто-три» и помехи со стороны проверяющих органов. Это не самое важное направление моей работы футуролога, но вся моя интуиция говорит, что архитектура этого чипа способна даже на большее, чем заявлено в подготовленной документации.

Едва поднялся на поверхность, тут же подкатил одноместный беспилотник и услужливо распахнул дверь.

В мои мысли вмешался чистый голос Сюзанны.

– Господин Сокол только что вышел из кабинета, двигается по направлению к лифту.

– Лишь бы не застрял, – заметил я.

Она услужливо подхихикнула, Сокол в самом деле застрял полгода назад при спуске. На эту тему по этажам долго

бродили анекдоты и фейки, так как застрял не один, а с женой генерального, до этого лифты работали безукоризненно, а причину поломки так и не удалось найти.

Почему Сюзанна посоветовала сменить транспорт, я понял, как только капсула выметнулась из-под крыши местной станции гиперлупа, не такой красивой, но тоже футуристичной, дизайнеры соревнуются не на жизнь, а на смерть, их слишком много, кому-то приходится покидать это поле.

На авто даже среднюю скорость пришлось бы сбросить, чтобы лавировать между горами автомобильных покрышек посреди шоссе, попадают совсем громадные с тяжелых самосвалов, некоторые все еще чадят.

Судя по новостям, вчера вечером была акция неолуддитов из движения «Наше право». Перекрывали дороги, оказали сопротивление полиции, пришлось вызывать даже Росгвардию. Дороги освободили только к утру, но все еще не убрали покрышки, только-только прибыла на автобусе первая бригада вечно недовольных рабочих, что вообще-то даже не скрывают симпатии к неолудам.

На подступах к небоскребу, в подвалах которого цех разработки и тестирования чипов, увидел группку митингующих. Всего-навсего десяток девиц неопрятного вида и полдюжины парней со смартфонами в руках, по которым получают инструкции, что делать и какие лозунги выкрикивать.

Здесь пришлось бы еще больше сбросить скорость, потому что такие могут броситься как бы под колеса, чтобы спро-

воцировать кампанию против засилья беспилотников, что только и выискивают, кого бы из людей задавить и переехать в угоду злumu и бесчеловечному ИИ, что уже приступил к захвату всего мира и планомерному истреблению людей.

Я подумал со злостью, что надежды на то, что безусловный основной доход освободит время «для развития и образования» не то что не оправдались, а с треском провалились. Человек все же тупая и ленивая скотина, жаждет лежать на диване и требовать от правительства, чтобы выделило диваны помягче и пошире.

Самые активные из этих бездельников вместо того, чтобы получать образование и повышать свой уровень, устраивают митинги и протесты, перегораживают улицы, и не смей их тронуть, это же воля народа, хотя я вот тоже народ, как и все ученые тоже народ, но нас меньше, потому по дурацким законам, принятым в дикие века прошлого, большинство тупых может навязывать свою волю меньшинству, потому что тупых всегда больше, чем умных.

К счастью, авторитарные правительства уже доказали большую эффективность перед такими вот слишком демократическими, и теперь спохватившаяся Европа бросилась догонять Китай, Россию и прочие страны, где правительство изначально держит власть в кулаке и не позволяет черни садиться на голову.

Держит, подумал я, все еще держит, но вот и здесь началось то же самое, что ввергло Европу в хаос. И то ли нет сил

остановить, то ли и наше правительство опасается прибегать к слишком уж силовым методам, чтобы не слышать обвинения из-за океана в людоедстве...

Но что-то сломалось не только в Датском королевстве.

Сокол вышел из лифта в холл, объединенный со станцией гиперлупа в то же мгновение, как капсула, в которой я прибыл, резко остановилась напротив. «Сокол» вообще-то не имя и не фамилия, а ник, под которым его пару лет знали на форумах и даже в одной онлайн-байме, но наше восприятие запечатлевает первое впечатление, потом избавиться от него трудно. Тем более что в своей среде он не единственный, кого привыкли называть по нику.

Я только успел покинуть сиденье, как Сокол с улыбкой на лице быстро подошел с протянутой навстречу рукой.

– Рад вас видеть, господин Малыгин!..

– Зачем такие церемонии, – ответил я.

Оба стиснули ладони друг друга крепче, показывая, что у нас сердца здоровые, пульсовая разница в норме, а кровь насыщена кислородом, что так необходимо для интенсивной работы неокортекса.

Сокол оглядел меня оценивающе, еще помнит время, когда мы мерились бицепсами, у него тогда оказалось на полсантиметра больше в обхвате, а сейчас с виду уже на пять-шесть, когда только и успевает работать и качаться.

– Следим за вашими прогнозами, – напомнил он, – и ориентируемся на них!

– А я на ваши разработки, – ответил я с тем же градусом любезности. – Показывайте...

Собственно, всю информацию я мог бы получить и виртуально, также виртуально походить по цехам, где разрабатывают чипы и гоняют на проверочных стендах, но мне очень важно пройтись вдоль линии, посмотреть на работающих, перекинуться с кем-то словом.

Это вплетается в ту кашу из мировых новостей, откуда вылавливаю нужные крупички ценных именно для меня сведений, где данные о повышении температуры Мирового океана сплетаются с ростом волнений в Гватемале, отталкиваются от уменьшения запасов палладия в Китае и коррелируются с ростом прекращения выпуска кондиционеров в Западной Европе.

Мои прогнозы опираются, как я говорю, на точные статистические данные, на самом деле так только частично, в очень большой степени допускаю и нечто интуитивное, что на самом деле тоже результат сложнейших вычислений где-то в глубинах неокортекса, сути которых не прослеживаю, но уже доверяю.

Сокол достал из шкафчика и молча протянул легкий комбинезон со встроенной системой автономной подачи воздуха.

Пройти пришлось через два шлюза и один душ, наконец дверь в так называемый цех распахнулась, открывая два ряда установок вдоль стен и узкий проход между ними.

Я прошел через узкую дверь первым, быстро хватая взглядом, что и как изменилось за время с прошлого посещения.

Чипы здесь не только разрабатываются, но также изготавливаются прототипы, а дальше, не выпуская за дверь лаборатории, тестируются, проверяются и снова в доработку. Дело даже не в высоком проценте брака – на первых порах, понятно, зашкаливает, – но еще чипы нового поколения слишком капризные, всегда выдают меньше того, что от них требуем, и если наверх сообщить какие-то сроки, то там с бараньим упрямством будут требовать их соблюдения, а если у нас что-то затянется, начнут подозревать в саботаже и распилах, менять руководство, сажая вместо ученых туповатых, но послушных чиновников.

Сокол пошел рядом, в голосе прозвучала сдерживаемая гордость:

– Возможности «Фемто-три» за эту неделю удалось раздвинуть по трем параметрам! Если учесть, что «Фемто-два» уже управляет всем нашим хозяйством и даже помогает организовывать исследования, что нас безумно радует...

– Всех?

– Всех, – подтвердил он. – У нас же научные работники, а не поэты или художники. Для нас дважды два четыре неоспоримо. Нам нравится, что в искусственном интеллекте изначально нет человеческих страстей, симпатий, предпочтений!

Я сказал с горечью:

– Это вам, а простейшим?..

– Простейшие тоже люди, – ответил он с надеждой. – Быстро привыкнут больше доверять искусственному интеллекту, чем судье-человеку, на решение которого может повлиять утренняя ссора с женой, менструальный период или сообщение, что сын связался с наркоманами!

Я вскинул руки.

– Это мы с вами понимаем, а простейшие боятся, что искусственный интеллект сразу начнет уничтожать человечество. Хотя на самом деле искусственного интеллекта нет и даже не знаю, может ли появиться, а пока что это невероятно сложный виртуальный арифмометр с закачанными в него Уголовным и Гражданским кодексами, а также всеми правилами, инструкциями и прочими нашими законами «как жить правильно», вплоть до Библии. Потому да, искусственный интеллект будет абсолютно справедлив, но это понятно нам, а для простейших нужны не доводы разума, а... даже не знаю что. Потому вы зря не упрятали лабораторию поглубже.

Сокол широко заулыбался во весь рот.

– Мы обсудили тогда ваше предложение...

– И?

– Решили, – ответил он, тщательно подбирая слова, – что вы слишком... алармистничаете.

Я ответил с горечью:

– То есть параноик? Но вы же видите, что начинается?

Он ответил беспечно:

– Народу дают возможность покричать и выпустить пар.

В нашей стране все под контролем!.. Это Европа распустила свою демократию, вот и огребла...

– Мы тоже Европа, – напомнил я. – Как ни называй режим, но у нас с нею общие ценности. Так называемые европейские.

Он сказал уверенно:

– Если равноправники зайдут слишком далеко, правительство выведет на улицы армию!.. Тяньаньмэнь показал, в Китае тогда поступили верно. Нам будет легче, прецедент есть.

– Может быть, – согласился я. – Может быть... Но все же помалкивайте о новых разработках. Так, рутинные исследования. Тогда вас сметут вместе со всеми, а не в первую очередь.

Он вздрогнул, поплевал через плечо.

– Да ну вас с таким шуточками!.. Такое серьезное лицо, а еще и этот обрекающий голос... У меня мороз по коже!

Я улыбнулся.

– Тоже надеюсь, что все обойдется. Но расчеты показывают, что сопротивление будет только нарастать...

Он взглянул на меня внимательно.

– Опираетесь на работу отца народов? В ней Иосиф Виссарионович убедительно доказал, что сопротивление общества по мере приближения к новой фазе существования человечества будет все усиливаться.

Я промолчал, только кивнул. Еще лет десять тому ссы-

латься на Сталина или Гитлера было кощунством, для многих это оставалось все еще свежей раной, но за эти годы столько веков промелькнуло, что те времена стали казаться таким же отдаленным прошлым, как и времена Чингисхана или Аттилы, что пролили крови и сожгли городов ничуть не больше, чем просвещеннейшие Цезарь, Помпей или Сципион Африканский. Просто время было такое, мир другим, и сегодняшние моральные нормы применять к тем условиям по меньшей мере неверно.

Вообще-то Сокол со своей точки зрения прав. Хотя перенести лабораторию под землю нетрудно, при нынешней строительной технике заняло бы не больше недели, да плюс две на переезд и перетаскивание техники, но прекрасно понимаю энтузиастов, что и минуты не хотят терять на такую хрень, как перебазирование. Многие и сейчас остаются ночевать в лаборатории, зато утром можно сразу к своему рабочему месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.